

За тенью

Задание 1 / 9

Прочитайте текст рассказа «За тенью», расположенный справа. Запишите свой ответ на вопрос.

Откуда после войны в Рысово появились немцы?

Запишите свой ответ.

ЗА ТЕНЬЮ

Баба Гаша из деревни Рысово Новгородской области рассказывала мне, как вскоре после войны, году, кажется, в сорок шестом, а может, и в сорок пятом, проходили через её деревню немцы. Несколько раз. Когда парами, а когда и поодиночке. <...>

Рысово было в ту пору обыкновенной, разорённой мором и голодом деревенькой дворов до тридцати – малолюдной и почти без мужиков. Хотя прежде здесь насчитывалось более сотни изб, но это давно, до коллективизации. Самым дорогим достоянием послевоенных рысовских хором были скорбные фотографии погибших родственников. У бабы Гаши погиб на войне муж Николай. Строгий и ясный лик его осенял из фотографической потусторонности все остававшиеся этому дому дни и ночи.

И вот в такую деревню, в такой дом приходили немцы. За скудный харч, за ночлег в сарае они выполняли посильный труд по двору и шли дальше. Никто их не обижал, разве только несмышлёный народ – ребятишки: то освистают, то «немец-перец-колбаса», а то и камнем вдогонку запустят, – взрослые же относились к ходакам бесстрастно. По молодости я недоумевал: как так? Баба Гаша в ответ начинала смеяться <...> Я же ещё более горячился, мол, как же так: может, именно они и убили вашего Николая, а вы?.. В мгновение она становилась серьёзной и тихо соглашалась: да, может. Потом, жалостливо поглядев на меня, спрашивала:

– А что же оставалось делать?.. Смотреть, как они сгинут с голоду? Подкармливали... Мужики вон наши – все калеками повозвертались: у кого ноги нет, у кого – руки, кто – контуженый, в ком – дырок, как в решете, а и те – дадут работёнку да и покормят...

Как-то двое немцев подрядились поправить ей загородку. Сделали. Потом, стало быть, сидят в избе за столом и лопают постные щи с ржаным хлебом. Тут заявляется бригадир – он с костылём шастал, и костыль этот самодельный сильно по полу громыхал. «О-о, – говорит, – да у тебя гости! Кто ж такие? <...> Форма вроде германского образца, а сами что-то на немцев и не похожи».

Агафья отвечает ему: мол, немцы, документы показывали, из плена идут. Они достают документы, протягивают бригадиру, а тот лишь отмахивается: не верю, дескать, подделка.

Тогда один заявляет: «Я – Вебер, он – Браун», – интересно, что фамилии эти баба Гаша запомнила, но произносила на свой лад: «Вебиль и Бряун».

Бригадир им снова наперёк: «Бывают такие Вебер и Браун, что и не германцы вовсе». Они разобиделись и стоят на своем: мы не другие какие-нибудь. А он опять: «Что я, германцев не видывал? Не знаю, как они робят? У них, – говорит, – души в безнадёжной

трезвости пребывают, потому робят они справно. А вы понаделали – кое-как: столбы неровно стоят, жердины приколочены криво, а грязи, грязи понатоптали», – и рукою махнул.

«Ну, значит, – рассказывала мне баба Гаша, – они исть перестали, вынают из карманов нарочитые тряпочки – ложки завёртывать. Сперва, конечно, вытерли ложки этими тряпочками – чисто-начисто, потом завернули, поспрятывали, поднялись – ну, как тебе по команде! – и ушли. Да: «спасибо» сказали... Мне и ладно: ушли так ушли, мне и до изгороди дела не было: лишь бы крепко, чтобы скотина не забредала. Дал бригадир наряд на завтра, вышла я за ним на крыльцо, глядь: немцы работу свою нарушают. Что ж ты, – говорю, – ирод хромой, натворил? Из-за тебя они теперь разорят всё, бросят да и уйдут. Не бросят, говорит. И пошкандыбал себе. Ну, утром собирает он нас на работу, гляжу – все порушено: ох и посмеялись бабы-то надо мной! Зашла, правда, в сарайку – спят работнички... Что делать? Оставила на крыльце чугунок с остатками щей, сковородкой прикрыла, а на сковородку ещё утюг сверху – чтобы, значит, кошки с собаками не залезли. А когда воротилась, всё уже было переделано: столбушок к столбушку, жердина к жердине, где понакопано было – дёрн, дорожка песочком посыпана... Одно слово – германцы».

Приходили и ещё, но тех баба Гаша перезабыла, а этот случай запомнился. Вероятно, из-за вмешательства бригадира, вмешательства, придавшего событию неожиданный поворот. Бригадир, кстати говоря, последнее своё ранение получил на одной из центральных улиц Берлина. <...>

Понятно, что пешком пробирались только те, у которых лучшего выбора не было. Однако сдаётся мне, что путешественники, отроду не полагавшиеся на авось, имели весьма точное представление о характерах и обычаях народа, через землю которого им – отвоёвавшимся – предстояло проходить без оружия и без всякой еды.<...>

– Вы с ними вроде бы как со странниками? – уточнял я у бабы Гаши.

– Что ты, желанный! Странников в хоромине спать укладывали, а этих – нет: в баньке там или в сарае каком, а в доме – в доме нет... Встанут утречком, выйдут на дорогу и бредут: куда тень – туда и они. Так и шли за своей тенью.

(Ярослав Шилов)

За тенью

Задание 2 / 9

Воспользуйтесь текстом рассказа «За тенью», расположенным справа. Для ответа на вопрос отметьте нужный вариант ответа.

Как в молодости воспринимал подкармливание немцев рассказчик?

*Отметьте **один** верный вариант ответа.*

- Как слабохарактерность бабы Гаши
- Как предательство памяти погибших на войне
- Как высочайшее проявление человечности
- Как норму человеческих взаимоотношений

ЗА ТЕНЬЮ

Баба Гаша из деревни Рысово Новгородской области рассказывала мне, как вскоре после войны, году, кажется, в сорок шестом, а может, и в сорок пятом, проходили через её деревню немцы. Несколько раз. Когда парами, а когда и поодиночке. <...>

Рысово было в ту пору обыкновенной, разорённой мором и голодом деревенькой дворов до тридцати – малолюдной и почти без мужиков. Хотя прежде здесь насчитывалось более сотни изб, но это давно, до коллективизации. Самым дорогим достоянием послевоенных рысовских хором были скорбные фотографии погибших родственников. У бабы Гаши погиб на войне муж Николай. Строгий и ясный лик его осенял из фотографической потусторонности все остававшиеся этому дому дни и ночи.

И вот в такую деревню, в такой дом приходили немцы. За скудный харч, за ночлег в сарае они выполняли посильный труд по двору и шли дальше. Никто их не обижал, разве только несмышлёный народ – ребятишки: то свистают, то «немец-перец-колбаса», а то и камнем вдогонку запустят, – взрослые же относились к ходакам бесстрашно. По молодости я недоумевал: как так? Баба Гаша в ответ начинала смеяться <...> Я же ещё более горячился, мол, как же так: может, именно они и убили вашего Николая, а вы?.. В мгновение она становилась серьёзной и тихо соглашалась: да, может. Потом, жалостливо поглядев на меня, спрашивала:

– А что же оставалось делать?.. Смотреть, как они сгинут с голоду? Подкармливали... Мужики вон наши – все калекими повозвертались: у кого ноги нет, у кого – руки, кто – контуженый, в ком – дырок, как в решете, а и те – дадут работёнку да и покормят...

Как-то двое немцев подрядились поправить ей загородку. Сделали. Потом, стало быть, сидят в избе за столом и лопают постные щи с ржаным хлебом. Тут заявляется бригадир – он с костылём шастал, и костыль этот самодельный сильно по полу громыхал. «О-о, – говорит, – да у тебя гости! Кто ж такие? <...> Форма вроде германского образца, а сами что-то на немцев и не похожи».

Агафья отвечает ему: мол, немцы, документы показывали, из плена идут. Они достают документы, протягивают бригадиру, а тот лишь отмахивается: не верю, дескать, подделка.

Тогда один заявляет: «Я – Вебер, он – Браун», – интересно, что фамилии эти баба Гаша запомнила, но произносила на свой лад: «Вебирь и Бряун».

Бригадир им снова наперёк: «Бывают такие Вебер и Браун, что и не германцы вовсе». Они разобиделись и стоят на своем: мы не другие какие-нибудь. А он опять: «Что я, германцев не видывал? Не знаю, как они робят? У них, – говорит, – дүши в безнадежной трезвости пребывают, потому робят они справно. А вы понаделали – кое-как: столбы

неровно стоят, жердины приколочены криво, а грязи, грязи понатоптали», – и рукою махнул.

«Ну, значит, – рассказывала мне баба Гаша, – они исть перестали, вынают из карманов нарочитые тряпочки – ложки завёртывать. Сперва, конечно, вытерли ложки этими тряпочками – чисто-начисто, потом завернули, поспрятывали, поднялись – ну, как тебе по команде! – и ушли. Да: «спасибо» сказали... Мне и ладно: ушли так ушли, мне и до изгороди дела не было: лишь бы крепко, чтобы скотина не забредала. Дал бригадир наряд на завтра, вышла я за ним на крыльцо, глядь: немцы работу свою нарушают. Что ж ты, – говорю, – ирод хромой, натворил? Из-за тебя они теперь разорят всё, бросят да и уйдут. Не бросят, говорит. И пошкандыбал себе. Ну, утром собирает он нас на работу, гляжу – все порушено: ох и посмеялись бабы-то надо мной! Зашла, правда, в сарайку – спят работнички... Что делать? Оставила на крыльце чугунок с остатками щей, сковородкой прикрыла, а на сковородку ещё утюг сверху – чтобы, значит, кошки с собаками не залезли. А когда воротилась, всё уже было переделано: столбушок к столбушку, жердина к жердине, где понакопано было – дёрн, дорожка песочком посыпана... Одно слово – германцы».

Приходили и ещё, но тех баба Гаша перезабыла, а этот случай запомнился. Вероятно, из-за вмешательства бригадира, вмешательства, придавшего событию неожиданный поворот. Бригадир, кстати говоря, последнее своё ранение получил на одной из центральных улиц Берлина. <...>

Понятно, что пешком пробирались только те, у которых лучшего выбора не было. Однако сдаётся мне, что путешественники, отроду не полагавшиеся на авось, имели весьма точное представление о характерах и обычаях народа, через землю которого им – отвоевавшимся – предстояло проходить без оружия и без всякой еды.<...>

– Вы с ними вроде бы как со странниками? – уточнял я у бабы Гаши.

– Что ты, желанный! Странников в хоромине спать укладывали, а этих – нет: в баньке там или в сарае каком, а в доме – в доме нет... Встанут утречком, выйдут на дорогу и бредут: куда тень – туда и они. Так и шли за своей тенью.

(Ярослав Шилов)

За тенью

Задание 3 / 9

Воспользуйтесь текстом рассказа «За тенью», расположенным справа. Для ответа на вопрос отметьте нужные варианты ответа.

Прочитав рассказ «За тенью», Матвей спросил: «Зачем всё-таки бригадир вмешался в эту историю, ведь работа немцев устроила бабу Гашу? Ей нужно было не красиво, а крепко». Одноклассники по-разному ответили на вопрос Матвея. Чьи ответы вы считаете верными?

Отметьте все верные варианты ответа.

- Валя:** «Потому что не дело в доме германских гостей оставлять. Это предательство памяти погибших на войне».
- Степан:** «Бригадир не поверил, что это действительно немцы и хотел их проверить».
- Ян:** «После войны в деревне почти не было мужчин и поправить забор бабе Гаше было некому. Работа за еду, которой не хватало, должна быть выполнена идеально, а не "лишь бы крепко"».
- Зоя:** «Бригадир был не таким человечным, как баба Гаша. Он получил ранение на войне, у него были с немцами свои счёты».
- Олеся:** «Бригадир заставил их показать немецкую культуру. Почему для бабы Гаши можно работать хуже, чем для себя в Германии?»

ЗА ТЕНЬЮ

Баба Гаша из деревни Рысово Новгородской области рассказывала мне, как вскоре после войны, году, кажется, в сорок шестом, а может, и в сорок пятом, проходили через её деревню немцы. Несколько раз. Когда парами, а когда и поодиночке. <...>

Рысово было в ту пору обыкновенной, разорённой мором и голодом деревенькой дворов до тридцати – малолюдной и почти без мужиков. Хотя прежде здесь насчитывалось более сотни изб, но это давно, до коллективизации. Самым дорогим достоянием послевоенных рысовских хором были скорбные фотографии погибших родственников. У бабы Гаши погиб на войне муж Николай. Строгий и ясный лик его осенял из фотографической потусторонности все остававшиеся этому дому дни и ночи.

И вот в такую деревню, в такой дом приходили немцы. За скудный харч, за ночлег в сарае они выполняли посильный труд по двору и шли дальше. Никто их не обижал, разве только несмышлёный народ – ребятишки: то освистают, то «немец-перец-колбаса», а то и камнем вдогонку запустят, – взрослые же относились к ходакам бесстрашно. По молодости я недоумевал: как так? Баба Гаша в ответ начинала смеяться <...> Я же ещё более горячился, мол, как же так: может, именно они и убили вашего Николая, а вы?.. В мгновение она становилась серьёзной и тихо соглашалась: да, может. Потом, жалостливо поглядев на меня, спрашивала:

– А что же оставалось делать?.. Смотреть, как они сгинут с голоду? Подкармливали... Мужики вон наши – все калекими повозвертались: у кого ноги нет, у кого – руки, кто – контуженый, в ком – дырок, как в решете, а и те – дадут работёнку да и покормят...

Как-то двое немцев подрядились поправить ей загородку. Сделали. Потом, стало быть, сидят в избе за столом и лопают постные щи с ржаным хлебом. Тут заявляется бригадир – он с костылём шастал, и костыль этот самодельный сильно по полу громыхал. «О-о, – говорит, – да у тебя гости! Кто ж такие? <...> Форма вроде германского образца, а сами что-то на немцев и не похожи».

Агафья отвечает ему: мол, немцы, документы показывали, из плена идут. Они достают документы, протягивают бригадиру, а тот лишь отмахивается: не верю, дескать, подделка.

Тогда один заявляет: «Я – Вебер, он – Браун», – интересно, что фамилии эти баба Гаша запомнила, но произносила на свой лад: «Вебирь и Бряун».

Бригадир им снова наперёк: «Бывают такие Вебер и Браун, что и не германцы вовсе». Они разобиделись и стоят на своем: мы не другие какие-нибудь. А он опять: «Что я, германцев не видывал? Не знаю, как они робят? У них, – говорит, – дүши в безнадежной трезвости пребывают, потому робят они справно. А вы понаделали – кое-как: столбы

неровно стоят, жердины приколочены криво, а грязи, грязи понатоптали», – и рукою махнул.

«Ну, значит, – рассказывала мне баба Гаша, – они исть перестали, вынают из карманов нарочитые тряпочки – ложки завёртывать. Сперва, конечно, вытерли ложки этими тряпочками – чисто-начисто, потом завернули, поспрятывали, поднялись – ну, как тебе по команде! – и ушли. Да: «спасибо» сказали... Мне и ладно: ушли так ушли, мне и до изгороди дела не было: лишь бы крепко, чтобы скотина не забредала. Дал бригадир наряд на завтра, вышла я за ним на крыльцо, глядь: немцы работу свою нарушают. Что ж ты, – говорю, – ирод хромой, натворил? Из-за тебя они теперь разорят всё, бросят да и уйдут. Не бросят, говорит. И пошкандыбал себе. Ну, утром собирает он нас на работу, гляжу – все порушено: ох и посмеялись бабы-то надо мной! Зашла, правда, в сарайку – спят работнички... Что делать? Оставила на крыльце чугунок с остатками щей, сковородкой прикрыла, а на сковородку ещё утюг сверху – чтобы, значит, кошки с собаками не залезли. А когда воротилась, всё уже было переделано: столбушок к столбушку, жердина к жердине, где понакопано было – дёрн, дорожка песочком посыпана... Одно слово – германцы».

Приходили и ещё, но тех баба Гаша перезабыла, а этот случай запомнился. Вероятно, из-за вмешательства бригадира, вмешательства, придавшего событию неожиданный поворот. Бригадир, кстати говоря, последнее своё ранение получил на одной из центральных улиц Берлина. <...>

Понятно, что пешком пробирались только те, у которых лучшего выбора не было. Однако сдаётся мне, что путешественники, отроду не полагавшиеся на авось, имели весьма точное представление о характерах и обычаях народа, через землю которого им – отвоевавшимся – предстояло проходить без оружия и без всякой еды.<...>

– Вы с ними вроде бы как со странниками? – уточнял я у бабы Гаши.

– Что ты, желанный! Странников в хоромине спать укладывали, а этих – нет: в баньке там или в сарае каком, а в доме – в доме нет... Встанут утречком, выйдут на дорогу и бредут: куда тень – туда и они. Так и шли за своей тенью.

(Ярослав Шилов)

За тенью

Задание 4 / 9

Воспользуйтесь текстом рассказа «За тенью», расположенным справа. Для ответа на вопрос отметьте нужный вариант ответа.

Почему бригадир был уверен, что Вебер и Браун не бросят работу?

Отметьте **один** верный вариант ответа.

- У немцев не было другого выхода, иначе им просто нечего было бы есть и негде ночевать.
- Немцы испугались появления бригадира и возможных неприятностей.
- К немцам по-человечески отнеслись, и бригадир видел, что они готовы отблагодарить за это.
- Бригадир задел их национальную гордость, понимая, что немцы постараются доказать ему его неправоту.
- Немцы не такой народ, чтобы бросить дело, после того как им заплатили едой и ночлегом.

ЗА ТЕНЬЮ

Баба Гаша из деревни Рысово Новгородской области рассказывала мне, как вскоре после войны, году, кажется, в сорок шестом, а может, и в сорок пятом, проходили через её деревню немцы. Несколько раз. Когда парами, а когда и поодиночке. <...>

Рысово было в ту пору обыкновенной, разорённой мором и голодом деревенькой дворов до тридцати – малолюдной и почти без мужиков. Хотя прежде здесь насчитывалось более сотни изб, но это давно, до коллективизации. Самым дорогим достоянием послевоенных рысовских хором были скорбные фотографии погибших родственников. У бабы Гаши погиб на войне муж Николай. Строгий и ясный лик его осенял из фотографической потусторонности все остававшиеся этому дому дни и ночи.

И вот в такую деревню, в такой дом приходили немцы. За скудный харч, за ночлег в сарае они выполняли посильный труд по двору и шли дальше. Никто их не обижал, разве только несмышлёный народ – ребятишки: то освистают, то «немец-перец-колбаса», а то и камнем вдогонку запустят, – взрослые же относились к ходакам бесстрастно. По молодости я недоумевал: как так? Баба Гаша в ответ начинала смеяться <...> Я же ещё более горячился, мол, как же так: может, именно они и убили вашего Николая, а вы?.. В мгновение она становилась серьёзной и тихо соглашалась: да, может. Потом, жалостливо поглядев на меня, спрашивала:

– А что же оставалось делать?.. Смотреть, как они сгинут с голоду? Подкармливали... Мужики вон наши – все калекками повозвертались: у кого ноги нет, у кого – руки, кто – контуженый, в ком – дырок, как в решете, а и те – дадут работёнку да и покормят...

Как-то двое немцев подрядились поправить ей загородку. Сделали. Потом, стало быть, сидят в избе за столом и лопают постные щи с ржаным хлебом. Тут заявляется бригадир – он с костылём шастал, и костыль этот самодельный сильно по полу громыхал. «О-о, – говорит, – да у тебя гости! Кто ж такие? <...> Форма вроде германского образца, а сами что-то на немцев и не похожи».

Агафья отвечает ему: мол, немцы, документы показывали, из плена идут. Они достают документы, протягивают бригадиру, а тот лишь отмахивается: не верю, дескать, подделка.

Тогда один заявляет: «Я – Вебер, он – Браун», – интересно, что фамилии эти баба Гаша запомнила, но произносила на свой лад: «Вебирь и Бряун».

Бригадир им снова наперёк: «Бывают такие Вебер и Браун, что и не германцы вовсе». Они разобиделись и стоят на своем: мы не другие какие-нибудь. А он опять: «Что я, германцев не видывал? Не знаю, как они робят? У них, – говорит, – дүши в безнадежной трезвости пребывают, потому робят они справно. А вы понаделали – кое-как: столбы

неровно стоят, жердины приколочены криво, а грязи, грязи понатоптали», – и рукою махнул.

«Ну, значит, – рассказывала мне баба Гаша, – они исть перестали, вынают из карманов нарочитые тряпочки – ложки завёртывать. Сперва, конечно, вытерли ложки этими тряпочками – чисто-начисто, потом завернули, поспрятывали, поднялись – ну, как тебе по команде! – и ушли. Да: «спасибо» сказали... Мне и ладно: ушли так ушли, мне и до изгороди дела не было: лишь бы крепко, чтобы скотина не забредала. Дал бригадир наряд на завтра, вышла я за ним на крыльцо, глядь: немцы работу свою нарушают. Что ж ты, – говорю, – ирод хромой, натворил? Из-за тебя они теперь разорят всё, бросят да и уйдут. Не бросят, говорит. И пошкандыбал себе. Ну, утром собирает он нас на работу, гляжу – все порушено: ох и посмеялись бабы-то надо мной! Зашла, правда, в сарайку – спят работнички... Что делать? Оставила на крыльце чугунок с остатками щей, сковородкой прикрыла, а на сковородку ещё утюг сверху – чтобы, значит, кошки с собаками не залезли. А когда воротилась, всё уже было переделано: столбушок к столбушку, жердина к жердине, где понакопано было – дёрн, дорожка песочком посыпана... Одно слово – германцы».

Приходили и ещё, но тех баба Гаша перезабыла, а этот случай запомнился. Вероятно, из-за вмешательства бригадира, вмешательства, придавшего событию неожиданный поворот. Бригадир, кстати говоря, последнее своё ранение получил на одной из центральных улиц Берлина. <....>

Понятно, что пешком пробирались только те, у которых лучшего выбора не было. Однако сдаётся мне, что путешественники, отроду не полагавшиеся на авось, имели весьма точное представление о характерах и обычаях народа, через землю которого им – отвоевавшимся – предстояло проходить без оружия и без всякой еды.<....>

– Вы с ними вроде бы как со странниками? – уточнял я у бабы Гаши.

– Что ты, желанный! Странников в хоромине спать укладывали, а этих – нет: в баньке там или в сарае каком, а в доме – в доме нет... Встанут утречком, выйдут на дорогу и бредут: куда тень – туда и они. Так и шли за своей тенью.

(Ярослав Шилов)

За тенью

Задание 5 / 9

Воспользуйтесь текстом рассказа «За тенью», расположенным справа. Для ответа на вопрос отметьте нужный вариант ответа.

О каких действиях немцев говорит баба Гаша: «немцы работу свою нарушают»?

Отметьте **один** верный вариант ответа.

- Спят в сарайчике в рабочее время
- Разоряют хозяйство бабы Гаши
- Криво приколачивают жерди
- Разбирают поставленный забор

ЗА ТЕНЬЮ

Баба Гаша из деревни Рысово Новгородской области рассказывала мне, как вскоре после войны, году, кажется, в сорок шестом, а может, и в сорок пятом, проходили через её деревню немцы. Несколько раз. Когда парами, а когда и поодиночке. <...>

Рысово было в ту пору обыкновенной, разорённой мором и голодом деревенькой дворов до тридцати – малолюдной и почти без мужиков. Хотя прежде здесь насчитывалось более сотни изб, но это давно, до коллективизации. Самым дорогим достоянием послевоенных рысовских хором были скорбные фотографии погибших родственников. У бабы Гаши погиб на войне муж Николай. Строгий и ясный лик его осенял из фотографической потусторонности все остававшиеся этому дому дни и ночи.

И вот в такую деревню, в такой дом приходили немцы. За скудный харч, за ночлег в сарае они выполняли посильный труд по двору и шли дальше. Никто их не обижал, разве только несмышлёный народ – ребятишки: то освистают, то «немец-перец-колбаса», а то и камнем вдогонку запустят, – взрослые же относились к ходакам бесстрашно. По молодости я недоумевал: как так? Баба Гаша в ответ начинала смеяться <...> Я же ещё более горячился, мол, как же так: может, именно они и убили вашего Николая, а вы?.. В мгновение она становилась серьёзной и тихо соглашалась: да, может. Потом, жалостливо поглядев на меня, спрашивала:

– А что же оставалось делать?.. Смотреть, как они сгинут с голоду? Подкармливали... Мужики вон наши – все калекими повозвертались: у кого ноги нет, у кого – руки, кто – контуженый, в ком – дырок, как в решете, а и те – дадут работёнку да и покормят...

Как-то двое немцев подрядились поправить ей загородку. Сделали. Потом, стало быть, сидят в избе за столом и лопают постные щи с ржаным хлебом. Тут заявляется бригадир – он с костылём шастал, и костыль этот самодельный сильно по полу громыхал. «О-о, – говорит, – да у тебя гости! Кто ж такие? <...> Форма вроде германского образца, а сами что-то на немцев и не похожи».

Агафья отвечает ему: мол, немцы, документы показывали, из плена идут. Они достают документы, протягивают бригадиру, а тот лишь отмахивается: не верю, дескать, подделка.

Тогда один заявляет: «Я – Вебер, он – Браун», – интересно, что фамилии эти баба Гаша запомнила, но произносила на свой лад: «Вебиль и Бряун».

Бригадир им снова наперёк: «Бывают такие Вебер и Браун, что и не германцы вовсе». Они разобиделись и стоят на своем: мы не другие какие-нибудь. А он опять: «Что я, германцев не видывал? Не знаю, как они робят? У них, – говорит, – дүши в безнадежной трезвости пребывают, потому робят они справно. А вы понаделали – кое-как: столбы

неровно стоят, жердины приколочены криво, а грязи, грязи понатоптали», – и рукою махнул.

«Ну, значит, – рассказывала мне баба Гаша, – они исть перестали, вынают из карманов нарочитые тряпочки – ложки завёртывать. Сперва, конечно, вытерли ложки этими тряпочками – чисто-начисто, потом завернули, поспрятывали, поднялись – ну, как тебе по команде! – и ушли. Да: «спасибо» сказали... Мне и ладно: ушли так ушли, мне и до изгороди дела не было: лишь бы крепко, чтобы скотина не забредала. Дал бригадир наряд на завтра, вышла я за ним на крыльцо, глядь: немцы работу свою нарушают. Что ж ты, – говорю, – ирод хромой, натворил? Из-за тебя они теперь разорят всё, бросят да и уйдут. Не бросят, говорит. И пошкандыбал себе. Ну, утром собирает он нас на работу, гляжу – все порушено: ох и посмеялись бабы-то надо мной! Зашла, правда, в сарайку – спят работнички... Что делать? Оставила на крыльце чугунок с остатками щей, сковородкой прикрыла, а на сковородку ещё утюг сверху – чтобы, значит, кошки с собаками не залезли. А когда воротилась, всё уже было переделано: столбушок к столбушку, жердина к жердине, где понакопано было – дёрн, дорожка песочком посыпана... Одно слово – германцы».

Приходили и ещё, но тех баба Гаша перезабыла, а этот случай запомнился. Вероятно, из-за вмешательства бригадира, вмешательства, придавшего событию неожиданный поворот. Бригадир, кстати говоря, последнее своё ранение получил на одной из центральных улиц Берлина. <...>

Понятно, что пешком пробирались только те, у которых лучшего выбора не было. Однако сдаётся мне, что путешественники, отроду не полагавшиеся на авось, имели весьма точное представление о характерах и обычаях народа, через землю которого им – отвоевавшимся – предстояло проходить без оружия и без всякой еды.<...>

– Вы с ними вроде бы как со странниками? – уточнял я у бабы Гаши.

– Что ты, желанный! Странников в хоромине спать укладывали, а этих – нет: в баньке там или в сарае каком, а в доме – в доме нет... Встанут утречком, выйдут на дорогу и бредут: куда тень – туда и они. Так и шли за своей тенью.

(Ярослав Шилов)

За тенью

Задание 6 / 9

Воспользуйтесь текстом рассказа «За тенью», расположенным справа. Для ответа на вопрос отметьте нужные варианты ответа.

С какой целью автор рассказа сообщает, что последнее ранение бригадир получил на одной из центральных улиц Берлина?

Отметьте все верные варианты ответа.

- Чтобы объяснить читателям, почему бригадир настороженно относился к немцам, ведь он помнил ужасы войны.
- Чтобы показать, что бригадир не понаслышке знает, как могут работать немцы.
- Чтобы подчеркнуть жестокость фашистов.
- Чтобы дать читателю понять, что война ещё не закончилась и бригадиру ещё предстоит оказаться в самом её пекле.
- Чтобы подчеркнуть, что бригадир не мстил немцам, хотя прошёл всю войну.

ЗА ТЕНЬЮ

Баба Гаша из деревни Рысово Новгородской области рассказывала мне, как вскоре после войны, году, кажется, в сорок шестом, а может, и в сорок пятом, проходили через её деревню немцы. Несколько раз. Когда парами, а когда и поодиночке. <...>

Рысово было в ту пору обыкновенной, разорённой мором и голодом деревенькой дворов до тридцати – малолюдной и почти без мужиков. Хотя прежде здесь насчитывалось более сотни изб, но это давно, до коллективизации. Самым дорогим достоянием послевоенных рысовских хором были скорбные фотографии погибших родственников. У бабы Гаши погиб на войне муж Николай. Строгий и ясный лик его осенял из фотографической потусторонности все остававшиеся этому дому дни и ночи.

И вот в такую деревню, в такой дом приходили немцы. За скудный харч, за ночлег в сарае они выполняли посильный труд по двору и шли дальше. Никто их не обижал, разве только несмышлёный народ – ребятишки: то свистают, то «немец-перец-колбаса», а то и камнем вдогонку запустят, – взрослые же относились к ходакам бесстрашно. По молодости я недоумевал: как так? Баба Гаша в ответ начинала смеяться <...> Я же ещё более горячился, мол, как же так: может, именно они и убили вашего Николая, а вы?.. В мгновение она становилась серьёзной и тихо соглашалась: да, может. Потом, жалостливо поглядев на меня, спрашивала:

– А что же оставалось делать?.. Смотреть, как они сгинут с голоду? Подкармливали... Мужики вон наши – все калекими повозвертались: у кого ноги нет, у кого – руки, кто – контуженый, в ком – дырок, как в решете, а и те – дадут работёнку да и покормят...

Как-то двое немцев подрядились поправить ей загородку. Сделали. Потом, стало быть, сидят в избе за столом и лопают постные щи с ржаным хлебом. Тут заявляется бригадир – он с костылём шастал, и костыль этот самодельный сильно по полу громыхал. «О-о, – говорит, – да у тебя гости! Кто ж такие? <...> Форма вроде германского образца, а сами что-то на немцев и не похожи».

Агафья отвечает ему: мол, немцы, документы показывали, из плена идут. Они достают документы, протягивают бригадиру, а тот лишь отмахивается: не верю, дескать, подделка.

Тогда один заявляет: «Я – Вебер, он – Браун», – интересно, что фамилии эти баба Гаша запомнила, но произносила на свой лад: «Вебиль и Бряун».

Бригадир им снова наперёк: «Бывают такие Вебер и Браун, что и не германцы вовсе». Они разобиделись и стоят на своем: мы не другие какие-нибудь. А он опять: «Что я, германцев не видывал? Не знаю, как они робят? У них, – говорит, – дүши в безнадежной трезвости пребывают, потому робят они справно. А вы понаделали – кое-как: столбы

неровно стоят, жердины приколочены криво, а грязи, грязи понатоптали», – и рукою махнул.

«Ну, значит, – рассказывала мне баба Гаша, – они исть перестали, вынают из карманов нарочитые тряпочки – ложки завёртывать. Сперва, конечно, вытерли ложки этими тряпочками – чисто-начисто, потом завернули, поспрятывали, поднялись – ну, как тебе по команде! – и ушли. Да: «спасибо» сказали... Мне и ладно: ушли так ушли, мне и до изгороди дела не было: лишь бы крепко, чтобы скотина не забредала. Дал бригадир наряд на завтра, вышла я за ним на крыльцо, глядь: немцы работу свою нарушают. Что ж ты, – говорю, – ирод хромой, натворил? Из-за тебя они теперь разорят всё, бросят да и уйдут. Не бросят, говорит. И пошкандыбал себе. Ну, утром собирает он нас на работу, гляжу – все порушено: ох и посмеялись бабы-то надо мной! Зашла, правда, в сарайку – спят работнички... Что делать? Оставила на крыльце чугунок с остатками щей, сковородкой прикрыла, а на сковородку ещё утюг сверху – чтобы, значит, кошки с собаками не залезли. А когда воротилась, всё уже было переделано: столбушок к столбушку, жердина к жердине, где понакопано было – дёрн, дорожка песочком посыпана... Одно слово – германцы».

Приходили и ещё, но тех баба Гаша перезабыла, а этот случай запомнился. Вероятно, из-за вмешательства бригадира, вмешательства, придавшего событию неожиданный поворот. Бригадир, кстати говоря, последнее своё ранение получил на одной из центральных улиц Берлина. <....>

Понятно, что пешком пробирались только те, у которых лучшего выбора не было. Однако сдаётся мне, что путешественники, отроду не полагавшиеся на авось, имели весьма точное представление о характерах и обычаях народа, через землю которого им – отвоевавшимся – предстояло проходить без оружия и без всякой еды.<....>

– Вы с ними вроде бы как со странниками? – уточнял я у бабы Гаши.

– Что ты, желанный! Странников в хоромине спать укладывали, а этих – нет: в баньке там или в сарае каком, а в доме – в доме нет... Встанут утречком, выйдут на дорогу и бредут: куда тень – туда и они. Так и шли за своей тенью.

(Ярослав Шилов)

За тенью

Задание 7 / 9

Воспользуйтесь текстом рассказа «За тенью», расположенным справа. Для ответа на вопрос отметьте нужный вариант ответа.

Какой смысл вкладывает баба Гаша во фразу «Одно слово – германцы»?

Отметьте **один** верный вариант ответа.

- Не понимающие чужого горя
- Работающие безупречно
- Дисциплинированные
- Обидчивые

ЗА ТЕНЬЮ

Баба Гаша из деревни Рысово Новгородской области рассказывала мне, как вскоре после войны, году, кажется, в сорок шестом, а может, и в сорок пятом, проходили через её деревню немцы. Несколько раз. Когда парами, а когда и поодиночке. <...>

Рысово было в ту пору обыкновенной, разорённой мором и голодом деревенькой дворов до тридцати – малолюдной и почти без мужиков. Хотя прежде здесь насчитывалось более сотни изб, но это давно, до коллективизации. Самым дорогим достоянием послевоенных рысовских хором были скорбные фотографии погибших родственников. У бабы Гаши погиб на войне муж Николай. Строгий и ясный лик его осенял из фотографической потусторонности все остававшиеся этому дому дни и ночи.

И вот в такую деревню, в такой дом приходили немцы. За скудный харч, за ночлег в сарае они выполняли посильный труд по двору и шли дальше. Никто их не обижал, разве только несмышлёный народ – ребятишки: то освистают, то «немец-перец-колбаса», а то и камнем вдогонку запустят, – взрослые же относились к ходакам бесстрашно. По молодости я недоумевал: как так? Баба Гаша в ответ начинала смеяться <...> Я же ещё более горячился, мол, как же так: может, именно они и убили вашего Николая, а вы?.. В мгновение она становилась серьёзной и тихо соглашалась: да, может. Потом, жалостливо поглядев на меня, спрашивала:

– А что же оставалось делать?.. Смотреть, как они сгинут с голоду? Подкармливали... Мужики вон наши – все калекими повозвертались: у кого ноги нет, у кого – руки, кто – контуженый, в ком – дырок, как в решете, а и те – дадут работёнку да и покормят...

Как-то двое немцев подрядились поправить ей загородку. Сделали. Потом, стало быть, сидят в избе за столом и лопают постные щи с ржаным хлебом. Тут заявляется бригадир – он с костылём шастал, и костыль этот самодельный сильно по полу громыхал. «О-о, – говорит, – да у тебя гости! Кто ж такие? <...> Форма вроде германского образца, а сами что-то на немцев и не похожи».

Агафья отвечает ему: мол, немцы, документы показывали, из плена идут. Они достают документы, протягивают бригадиру, а тот лишь отмахивается: не верю, дескать, подделка.

Тогда один заявляет: «Я – Вебер, он – Браун», – интересно, что фамилии эти баба Гаша запомнила, но произносила на свой лад: «Вебиль и Бряун».

Бригадир им снова наперёк: «Бывают такие Вебер и Браун, что и не германцы вовсе». Они разобиделись и стоят на своем: мы не другие какие-нибудь. А он опять: «Что я, германцев не видывал? Не знаю, как они робят? У них, – говорит, – дүши в безнадежной трезвости пребывают, потому робят они справно. А вы понаделали – кое-как: столбы

неровно стоят, жердины приколочены криво, а грязи, грязи понатоптали», – и рукою махнул.

«Ну, значит, – рассказывала мне баба Гаша, – они исть перестали, вынают из карманов нарочитые тряпочки – ложки завёртывать. Сперва, конечно, вытерли ложки этими тряпочками – чисто-начисто, потом завернули, поспрятывали, поднялись – ну, как тебе по команде! – и ушли. Да: «спасибо» сказали... Мне и ладно: ушли так ушли, мне и до изгороди дела не было: лишь бы крепко, чтобы скотина не забредала. Дал бригадир наряд на завтра, вышла я за ним на крыльцо, глядь: немцы работу свою нарушают. Что ж ты, – говорю, – ирод хромой, натворил? Из-за тебя они теперь разорят всё, бросят да и уйдут. Не бросят, говорит. И пошкандыбал себе. Ну, утром собирает он нас на работу, гляжу – все порушено: ох и посмеялись бабы-то надо мной! Зашла, правда, в сарайку – спят работнички... Что делать? Оставила на крыльце чугунок с остатками щей, сковородкой прикрыла, а на сковородку ещё утюг сверху – чтобы, значит, кошки с собаками не залезли. А когда воротилась, всё уже было переделано: столбушок к столбушку, жердина к жердине, где понакопано было – дёрн, дорожка песочком посыпана... Одно слово – германцы».

Приходили и ещё, но тех баба Гаша перезабыла, а этот случай запомнился. Вероятно, из-за вмешательства бригадира, вмешательства, придавшего событию неожиданный поворот. Бригадир, кстати говоря, последнее своё ранение получил на одной из центральных улиц Берлина. <...>

Понятно, что пешком пробирались только те, у которых лучшего выбора не было. Однако сдаётся мне, что путешественники, отроду не полагавшиеся на авось, имели весьма точное представление о характерах и обычаях народа, через землю которого им – отвоевавшимся – предстояло проходить без оружия и без всякой еды.<...>

– Вы с ними вроде бы как со странниками? – уточнял я у бабы Гаши.

– Что ты, желанный! Странников в хоромине спать укладывали, а этих – нет: в баньке там или в сарае каком, а в доме – в доме нет... Встанут утречком, выйдут на дорогу и бредут: куда тень – туда и они. Так и шли за своей тенью.

(Ярослав Шилов)

За тенью

Задание 8 / 9

Воспользуйтесь текстом рассказа «За тенью», расположенным справа. Запишите свой ответ на вопрос.

В тексте говорится о том, что отвоёвавшиеся немцы шли через русские земли «без оружия и без всякой еды» не потому, что надеялись на авось, а потому, что «имели весьма точное представление о характерах и обычаях народа».

Какие черты характера и обычаи нашего народа здесь имеются в виду?

Приведите **два** примера.

Запишите свой ответ.

Пример 1:

Пример 2:

ЗА ТЕНЬЮ

Баба Гаша из деревни Рысово Новгородской области рассказывала мне, как вскоре после войны, году, кажется, в сорок шестом, а может, и в сорок пятом, проходили через её деревню немцы. Несколько раз. Когда парами, а когда и поодиночке. <...>

Рысово было в ту пору обыкновенной, разорённой мором и голодом деревенькой дворов до тридцати – малолюдной и почти без мужиков. Хотя прежде здесь насчитывалось более сотни изб, но это давно, до коллективизации. Самым дорогим достоянием послевоенных рысовских хором были скорбные фотографии погибших родственников. У бабы Гаши погиб на войне муж Николай. Строгий и ясный лик его осенял из фотографической потусторонности все остававшиеся этому дому дни и ночи.

И вот в такую деревню, в такой дом приходили немцы. За скудный харч, за ночлег в сарае они выполняли посильный труд по двору и шли дальше. Никто их не обижал, разве только несмышлёный народ – ребятишки: то освистают, то «немец-перец-колбаса», а то и камнем вдогонку запустят, – взрослые же относились к ходакам бесстрашно. По молодости я недоумевал: как так? Баба Гаша в ответ начинала смеяться <...> Я же ещё более горячился, мол, как же так: может, именно они и убили вашего Николая, а вы?.. В мгновение она становилась серьёзной и тихо соглашалась: да, может. Потом, жалостливо поглядев на меня, спрашивала:

– А что же оставалось делать?.. Смотреть, как они сгинут с голоду? Подкармливали... Мужики вон наши – все калекими повозвертались: у кого ноги нет, у кого – руки, кто – контуженый, в ком – дырок, как в решете, а и те – дадут работёнку да и покормят...

Как-то двое немцев подрядились поправить ей загородку. Сделали. Потом, стало быть, сидят в избе за столом и лопают постные щи с ржаным хлебом. Тут заявляется бригадир – он с костылём шастал, и костыль этот самодельный сильно по полу громыхал. «О-о, – говорит, – да у тебя гости! Кто ж такие? <...> Форма вроде германского образца, а сами что-то на немцев и не похожи».

Агафья отвечает ему: мол, немцы, документы показывали, из плена идут. Они достают документы, протягивают бригадиру, а тот лишь отмахивается: не верю, дескать, подделка.

Тогда один заявляет: «Я – Вебер, он – Браун», – интересно, что фамилии эти баба Гаша запомнила, но произносила на свой лад: «Вебиль и Бряун».

Бригадир им снова наперёк: «Бывают такие Вебер и Браун, что и не германцы вовсе». Они разобиделись и стоят на своем: мы не другие какие-нибудь. А он опять: «Что я, германцев не видывал? Не знаю, как они робят? У них, – говорит, – дүши в безнадежной трезвости пребывают, потому робят они справно. А вы понаделали – кое-как: столбы

неровно стоят, жердины приколочены криво, а грязи, грязи понатоптали», – и рукою махнул.

«Ну, значит, – рассказывала мне баба Гаша, – они исть перестали, вынают из карманов нарочитые тряпочки – ложки завёртывать. Сперва, конечно, вытерли ложки этими тряпочками – чисто-начисто, потом завернули, поспрятывали, поднялись – ну, как тебе по команде! – и ушли. Да: «спасибо» сказали... Мне и ладно: ушли так ушли, мне и до изгороди дела не было: лишь бы крепко, чтобы скотина не забредала. Дал бригадир наряд на завтра, вышла я за ним на крыльцо, глядь: немцы работу свою нарушают. Что ж ты, – говорю, – ирод хромой, натворил? Из-за тебя они теперь разорят всё, бросят да и уйдут. Не бросят, говорит. И пошкандыбал себе. Ну, утром собирает он нас на работу, гляжу – все порушено: ох и посмеялись бабы-то надо мной! Зашла, правда, в сарайку – спят работнички... Что делать? Оставила на крыльце чугунок с остатками щей, сковородкой прикрыла, а на сковородку ещё утюг сверху – чтобы, значит, кошки с собаками не залезли. А когда воротилась, всё уже было переделано: столбушок к столбушку, жердина к жердине, где понакопано было – дёрн, дорожка песочком посыпана... Одно слово – германцы».

Приходили и ещё, но тех баба Гаша перезабыла, а этот случай запомнился. Вероятно, из-за вмешательства бригадира, вмешательства, придавшего событию неожиданный поворот. Бригадир, кстати говоря, последнее своё ранение получил на одной из центральных улиц Берлина. <...>

Понятно, что пешком пробирались только те, у которых лучшего выбора не было. Однако сдаётся мне, что путешественники, отроду не полагавшиеся на авось, имели весьма точное представление о характерах и обычаях народа, через землю которого им – отвоевавшимся – предстояло проходить без оружия и без всякой еды.<...>

– Вы с ними вроде бы как со странниками? – уточнял я у бабы Гаши.

– Что ты, желанный! Странников в хоромине спать укладывали, а этих – нет: в баньке там или в сарае каком, а в доме – в доме нет... Встанут утречком, выйдут на дорогу и бредут: куда тень – туда и они. Так и шли за своей тенью.

(Ярослав Шилов)

За тенью

Задание 9 / 9

Воспользуйтесь текстом рассказа «За тенью», расположенным справа. Запишите свой ответ на вопрос.

Какой смысл вкладывают в слова «шли за своей тенью» баба Гаша и автор рассказа?

Запишите свой ответ.

Баба Гаша:

Автор рассказа:

ЗА ТЕНЬЮ

Баба Гаша из деревни Рысово Новгородской области рассказывала мне, как вскоре после войны, году, кажется, в сорок шестом, а может, и в сорок пятом, проходили через её деревню немцы. Несколько раз. Когда парами, а когда и поодиночке. <...>

Рысово было в ту пору обыкновенной, разорённой мором и голодом деревенькой дворов до тридцати – малолюдной и почти без мужиков. Хотя прежде здесь насчитывалось более сотни изб, но это давно, до коллективизации. Самым дорогим достоянием послевоенных рысовских хором были скорбные фотографии погибших родственников. У бабы Гаши погиб на войне муж Николай. Строгий и ясный лик его осенял из фотографической потусторонности все остававшиеся этому дому дни и ночи.

И вот в такую деревню, в такой дом приходили немцы. За скудный харч, за ночлег в сарае они выполняли посильный труд по двору и шли дальше. Никто их не обижал, разве только несмышлёный народ – ребятишки: то свистают, то «немец-перец-колбаса», а то и камнем вдогонку запустят, – взрослые же относились к ходакам бесстрашно. По молодости я недоумевал: как так? Баба Гаша в ответ начинала смеяться <...> Я же ещё более горячился, мол, как же так: может, именно они и убили вашего Николая, а вы?.. В мгновение она становилась серьёзной и тихо соглашалась: да, может. Потом, жалостливо поглядев на меня, спрашивала:

– А что же оставалось делать?.. Смотреть, как они сгинут с голоду? Подкармливали... Мужики вон наши – все калекками повозвертались: у кого ноги нет, у кого – руки, кто – контуженый, в ком – дырок, как в решете, а и те – дадут работёнку да и покормят...

Как-то двое немцев подрядились поправить ей загородку. Сделали. Потом, стало быть, сидят в избе за столом и лопают постные щи с ржаным хлебом. Тут заявляется бригадир – он с костылём шастал, и костыль этот самодельный сильно по полу громыхал. «О-о, – говорит, – да у тебя гости! Кто ж такие? <...> Форма вроде германского образца, а сами что-то на немцев и не похожи».

Агафья отвечает ему: мол, немцы, документы показывали, из плена идут. Они достают документы, протягивают бригадиру, а тот лишь отмахивается: не верю, дескать, подделка.

Тогда один заявляет: «Я – Вебер, он – Браун», – интересно, что фамилии эти баба Гаша запомнила, но произносила на свой лад: «Вебиль и Бряун».

Бригадир им снова наперёк: «Бывают такие Вебер и Браун, что и не германцы вовсе». Они разобиделись и стоят на своем: мы не другие какие-нибудь. А он опять: «Что я, германцев не видывал? Не знаю, как они робят? У них, – говорит, – дүши в безнадежной трезвости пребывают, потому робят они справно. А вы понаделали – кое-как: столбы

неровно стоят, жердины приколочены криво, а грязи, грязи понатоптали», – и рукою махнул.

«Ну, значит, – рассказывала мне баба Гаша, – они исть перестали, вынают из карманов нарочитые тряпочки – ложки завёртывать. Сперва, конечно, вытерли ложки этими тряпочками – чисто-начисто, потом завернули, поспрятывали, поднялись – ну, как тебе по команде! – и ушли. Да: «спасибо» сказали... Мне и ладно: ушли так ушли, мне и до изгороди дела не было: лишь бы крепко, чтобы скотина не забредала. Дал бригадир наряд на завтра, вышла я за ним на крыльцо, глядь: немцы работу свою нарушают. Что ж ты, – говорю, – ирод хромой, натворил? Из-за тебя они теперь разорят всё, бросят да и уйдут. Не бросят, говорит. И пошкандыбал себе. Ну, утром собирает он нас на работу, гляжу – все порушено: ох и посмеялись бабы-то надо мной! Зашла, правда, в сарайку – спят работнички... Что делать? Оставила на крыльце чугунок с остатками щей, сковородкой прикрыла, а на сковородку ещё утюг сверху – чтобы, значит, кошки с собаками не залезли. А когда воротилась, всё уже было переделано: столбушок к столбушку, жердина к жердине, где понакопано было – дёрн, дорожка песочком посыпана... Одно слово – германцы».

Приходили и ещё, но тех баба Гаша перезабыла, а этот случай запомнился. Вероятно, из-за вмешательства бригадира, вмешательства, придавшего событию неожиданный поворот. Бригадир, кстати говоря, последнее своё ранение получил на одной из центральных улиц Берлина. <...>

Понятно, что пешком пробирались только те, у которых лучшего выбора не было. Однако сдаётся мне, что путешественники, отроду не полагавшиеся на авось, имели весьма точное представление о характерах и обычаях народа, через землю которого им – отвоевавшимся – предстояло проходить без оружия и без всякой еды.<...>

– Вы с ними вроде бы как со странниками? – уточнял я у бабы Гаши.

– Что ты, желанный! Странников в хоромине спать укладывали, а этих – нет: в баньке там или в сарае каком, а в доме – в доме нет... Встанут утречком, выйдут на дорогу и бредут: куда тень – туда и они. Так и шли за своей тенью.

(Ярослав Шилов)